

МЕТОДЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.В. Антонов

Юридический факультет, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)
198099, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Промышленная, 17
E-mail: mantonov@hse.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 15-03-00345).

Современный уровень знаний в теоретическом правоведении предполагает нецелесообразность метанарративов о праве. Юридический плюрализм как следствие процессов глобализации является неоспоримым фактом современной правовой действительности, а многоуровневость и множественность форм правового регулирования в современном мире делают неактуальными эссенциалистские споры о природе права. Для отечественной теории права до настоящего времени характерна эссенциалистская схема юридического мышления, где в качестве исходной посылки выступает определение понятия права, с последующим обоснованием обязывающей силы права через категорию суверенитета. Эта схема подразумевает противоречие между утверждениями конституционного дискурса о верховенстве прав человека, приоритете принципов международного права, балансировки при применении норм права, с одной стороны, и теоретическими основаниями данных утверждений — с другой. Недостаточность философско-правовой и теоретико-правовой проработки основополагающих вопросов правовой науки об источниках обязывающей силы права, о пределах государственного правотворчества, о соотношении создаваемых государством и иными социальными образованиями правопорядков обнаруживается в стиле юридического мышления, базирующемся на уровне развития правовой науки начала XX в. Исходным постулатом в юридической науке и образовании в России остается верховенство государственной власти в вопросах правотворчества и правоприменения, незабываемость и неограниченность государственного суверенитета и другие ключевые положения первых версий правового позитивизма. Отечественные теоретики и философы права в силу предшествующей закрытости нашей страны в конце 1980-х гг. оказались не только неготовыми к теоретическому осмыслению эффекта глобализации, но в течение длительного времени попросту не замечали проблем, которые связаны с этим явлением. Вместе с тем в те годы российская экономика, общество и в немалой степени также и позитивное право оказались вовлечены в процессы глобализа-

ции, включая фрагментацию и плюрализацию правопорядков. Это привело к значительному разрыву между теорией права и юридической практикой.

8→ Суверенитет, понятие права, юридическое мышление, права человека, обязывающая сила права, глобализация, правовой плюрализм.

Становление концептуальных основ теоретического правоведения¹ на Западе имеет долгую историю. Образование миропорядка Нового времени ознаменовалось установлением так называемой Вестфальской системы (1648 г.), в рамках которой отрицалась иерархическая соподчиненность между государствами, каждое государство признавалось равным другим и получало, с точки зрения международного права, абсолютную власть решать вопросы своей внутренней и внешней политики². Этот процесс шел синхронно с укреплением централизованной власти государств, с преодолением политической раздробленности и юридического плюрализма — вместо множества конкурирующих правовых порядков стал постепенно выкристаллизовываться единый государственный правопорядок. В этом контексте термин «суверенитет», изобретенный французскими юристами для защиты власти французского короля от притязаний со стороны баронов и Папы Римского и введенный в широкий научный оборот в XVI в. Ж. Боденом, приобретал особое значение для международно-правовых и конституционно-правовых дискурсов. Верховная власть монарха стала включать в себя возможность устанавливать правила поведения, имеющие безусловную обязывающую силу. Речь шла о такой силе, которая была независима от одобрения церковью, соответствия принципам естественного права, нормам морали или догматам религии, признания со стороны знати или избранных представителей народа и т.п. Сам факт обладания государством наиболее эффективной принудительной силой в обществе не был, таким образом, основой суве-

¹ Под термином «теоретическое правоведение» здесь понимаются как теория, так и философия права, а также иные направления, в рамках которых разрабатываются методологические основы правовых исследований (юридическая социология, антропология права и т.п.).

² Здесь и далее речь идет о векторе развития права западных обществ, продолжением которого в последующие века стали, в частности, Утрехтский мир 1713 г., Венский конгресс 1814—1815 гг. и Потсдамская конференция 1945 г., определившие параметры суверенитета государственной власти, в том числе и применительно к нормотворчеству. Вопросы правового развития обществ незападного типа выходят за пределы настоящей статьи.

ренитета, а скорее, наоборот, являлся следствием того, что суверену приписывалась такая верховная сила и право ею распоряжаться по своему усмотрению.

Несомненно, эти процессы оказали влияние на развитие права, которое все больше становилось именно правом государства, постепенно отвоевывая все новые участки регулирования у обычного, торгового, канонического права и у других конкурирующих нормативно-правовых систем, которые в эпоху Просвещения рассматривались как пережиток Средневековья и в плане организованного принуждения очевидно уступали силе государственного права³. Эта последняя, в свою очередь, укреплялась за счет рациональной легитимации (по терминологии М. Вебера) как носитель суверенитета и защитник общего блага. Благодаря такой легитимации государство и государственно-организованное право в системе представлений Нового времени отождествлялись с разумным началом, кладущим конец варварскому плюрализму правопорядков и за счет этого упорядочивавшим социальную жизнь на основании единых законов.

Такая легитимация вела к формированию современного образа права⁴. Система регулирования, при которой, по образному выражению Вольтера, право было столь раздробленным, что его приходилось менять при каждой смене лошадей на почтовой станции, противоречила представлениям того времени о мироздании, управляемом едиными разумными законами. Эпоха Просвещения предлагала, казалось бы, простой рецепт: если хотите иметь хорошее право, говорил Вольтер, сожгите старые законы и напишите новые. Это могла сделать только не связанная какими-либо социальными ограничениями государственная власть. В системе таких представлений централизованная государственная власть, суверенная — в смысле суверенитета как полной независимости от любых сил вне и внутри страны, — единственно могла претендовать на роль силы, способной организовать жизнь в обществе на разумных началах. Отсюда оставался всего лишь шаг к обоснованию безусловной обязанности граждан подчиняться любому нормативному велению суверенной власти.

Вследствие такого развития интеллектуальных представлений религиозные и иные правопорядки предсказуемо теряли свой авто-

³ См. об этом: *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со шведского Р.Л. Валинского, А.М. Волкова, М.А. Исаева, Т.Л. Шенявской. М., 1994.

⁴ См.: *Денисенко В.В.* Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М., 2014.

ритет, а соответствующие области правового регулирования постепенно переходили под юрисдикцию государства. В ходе этих процессов в XIX в. государственные правовые порядки получили не только приоритет над остальными, негосударственными правовыми порядками в развитых западных странах (Англия, Франция и др.), но и аккумулировали в своих руках практически всю правовую власть над населением. Появление первых версий правового позитивизма в смысле командных теорий права (И. Бентам, Дж. Остин и др.) в XIX в. стало отражением этого движения мысли: установление правильного юридического порядка в социальном общении мыслилось только через государственное регулирующее вмешательство, а все остальные нормативные порядки должны были отказаться от претензий на верховенство и уступить государственно-правовому порядку в случае конфликта⁵. В конечном счете в системе представлений юристов XIX в. государственное законодательство должно было заменить собой все остальное право, включая и прецедентное право.

Это позволяет понять, почему государственное право получило высшую обязывающую силу. Однако через некоторое время вера в безусловную значимость правового суверенитета (высшей правовой власти) государства была поставлена под вопрос. Рационалистическая убежденность мыслителей Нового времени в том, что государство и его право являют собой воплощение разумности и справедливости в противовес варварству, символизируемому средневековой раздробленностью и множественностью правовых порядков, была разрушена событиями Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Происходящие перед глазами людей того времени события свидетельствовали, что государства и их право не только не смогли предотвратить регресс в социальном развитии западных обществ и их деградации к новым формам варварства, но и сделали эти процессы более быстрыми и масштабными. Для многих стало ясно, какие опасности таит в себе аккумуляция власти, включая и правовую власть, в руках государства и что такое аккумуляция имеет свои прагматические пределы, заходить за которые не нужно в целях гарантирования свободы человека и развития общества⁶.

⁵ См.: Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.

⁶ См., например: Еллинек Г. Общее учение о государстве: Право современного государства. СПб., 1908.; Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

В этом отношении в начале XX в. стали развиваться предложенные еще в начале XIX в. представления о гражданском обществе как естественном пределе государственному интервенционализму, идеи и практики солидаризма, получившие распространение в философии права (Л. Дюги, Р. Салейль и др.) и политической философии (например, идея корпоративного государства)⁷. Эти идеи преследовали цель создания противовеса экспансии государственной власти во всех сферах общественной жизни, включая и правовое регулирование, где на смену государственно-организованному праву могли бы прийти социальные союзы и их право.

Еще в 1923 г. Н.А. Бердяев обозначил этот ход событий как путь к «Новому Средневековью»⁸, в XX в. аналогичные представления получили развитие в трудах У. Эко⁹, У. Бека¹⁰ и других интеллектуалов. С одной стороны, признание государством правотворческих компетенций социальных союзов, включая развитие права профсоюзов и иных социальных групп, в 1920-е гг. привело к формированию таких негосударственных правовых институтов, которые Г.Д. Гурвич назвал «социальным правом»¹¹. С другой стороны, в международном праве стали появляться тенденции к образованию наднациональных органов (Лига Наций) и развитию нормативных инструментов ограничения правового суверенитета государств. Так, изнутри и извне государственный суверенитет, в том числе и в сфере правотворчества и правоприменения, получил известные юридические ограничения, хотя достаточно размытые и подвижные. Эти ограничения потом осмыслялись в рамках различных доктрин суверенитета (делимый, ограниченный, относительный, сетевой, многоуровневый суверенитет и т.п.)¹², а суве-

⁷ См., например: *Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства* / Пер. с франц. А. Яценко. М., 1909.

⁸ См.: *Бердяев Н.А. Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы*. М., 1991.

⁹ См.: *Эко У. Средние века уже начались* // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258—267.

¹⁰ См.: *Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну* / Пер. с нем. В. Сидельник, Н. Федоровой. М., 2000.

¹¹ См.: *Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч.* / Пер. с англ. и франц. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004.

¹² Обсуждение этой проблемы в отечественной дореволюционной литературе см.: *Палиенко Н.И. Суверенитет*. Ярославль, 1905; *Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства*. СПб., 1999.

ренная власть государства для все большего числа правове­дов переставала означать высшую правовую власть и источник обяза­тельности правовых норм. Особенно актуальным обсуждение гра­ниц государственной власти стало в контексте осмысления причин феномена нацизма в Германии¹³. Постепенно обоснование пре­тензий государства на расширение правового и иного регулирова­ния стало, наоборот, рассматриваться скорее как зло¹⁴. Так, суве­ренитет перестал играть роль основания правопорядка, т.е. источ­ника обязывающей силы норм права.

В результате Октябрьской революции 1917 г. и последовавшего режима идеологического «железного занавеса» Россия на время оказалась в стороне от этого движения, так что содержательное развитие правовой науки осталось в пределах этатистской пара­дигмы, которая господствовала в западном правоведении только до первой половины XX в. В первые годы советской власти диалек­тика соотношения государственно-организованного права и всех иных форм права встраивалась в Советской России в логику про­тивостояния сторонников буквального истолкования марксизма (всемирная революция, отмирание государства и права, и проч.) и последователей идеи о необходимости на неопределенный период времени сильного социалистического государства и права как ин­струмента государственного регулирования. С учетом победы этой последней линии и устранением противоборствующих доктрин (М.А. Рейснер, Е.Б. Пашуканис и др.) в рамках проводимой А.Я. Вышинским политики насаждения единообразного, этатист­ского понимания права, исследования негосударственного права на протяжении достаточно долгого времени оставались невостре­бованными (за исключением вопросов, касающихся антропологии права), не говоря уже о рассуждениях об ограничении правотвор­ческой власти государства. Лишь в годы оттепели в контексте кон­цепции социалистического правового государства теоретиками права вновь стали обсуждаться пределы нормотворческой власти государства. Одним из основных ракурсов этой проблематики для отечественных теоретиков стало обсуждение соотношения закона

¹³ См.: Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право // Радбрух Г. Фило­софия права / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2004. С. 228—238; Арендт Х. Баналь­ность зла: Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М., 2008.

¹⁴ См.: Поннер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. В.Н. Садовско­го. М., 1992.

и права, где под «правом», по сути, понимался набор принципов, ограничивающих и направляющих нормотворческую деятельность государства¹⁵.

В то же время в западной правовой науке получали осмысление новые формы международного и наднационального права. Прежде всего следует назвать, с одной стороны, вырабатываемые ООН и другими международными организациями международно-правовые стандарты, включающие нормы *ius cogens*, концептуализация которых привела к формированию современной концепции прав человека¹⁶, а также опыт европейской интеграции, который в конечном счете привел к созданию ЕС, — с другой. Этому сопутствовали процессы транснационализации бизнеса, культуры и других сфер общественной жизни — процессы, которые получили собирательное название «глобализация»¹⁷. Глобализация в том числе предполагала развитие внесударственных регулятивных механизмов, со своими форумами для создания и применения права, унификацию правового регулирования и формирование надгосударственных органов, способных создавать свои правовые нормы — так называемое мягкое право различных экономических союзов, транснациональных корпораций, стандарты международных юридических фирм, и проч.¹⁸

Многие отечественные теоретики и философы права в силу предшествующей закрытости нашей страны в конце 1980-х гг. оказались не только неготовыми к теоретическому осмыслению эффекта глобализации, но в течение длительного времени попросту не замечали проблем, которые связаны с этим явлением. Хотя российская экономика, общество и в немалой степени также и позитивное право (особенно частное право) оказались вовлечены в процессы глобализации, включая фрагментацию и плюрализацию правопорядков¹⁹.

¹⁵ См.: Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1983.

¹⁶ См.: Moyn S. The Last Utopia. Human Rights in History. Cambridge Mass., 2010.

¹⁷ См.: Касаткин С.Н. Государство, право и правовая теория: эффекты и вызовы глобализации // URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/KasatkinSN_sec3_rus_izd.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

¹⁸ См.: Хук ван М. Европейские правовые культуры в контексте глобализации. В честь Андрея Полякова // Правоведение. 2014. № 6. С. 6—24.

¹⁹ См.: Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016. С. 30—71.

Ключевые экспликативные схемы юридического мышления, исходным концептуальным звеном для которых неизбежно было объяснение обязывающей силы права в перспективе содержания того или иного понятия права, либо оставались в рамках командной теории, либо следовали той или иной разновидности естественно-правового подхода. Обязанность субъектов права подчиняться правовым нормам по-прежнему объяснялась через отсылку к суверенитету как категории, при помощи которой получала свое обоснование высшая нормотворческая власть государства. В ракурсе либертарного и иных непозитивистских подходов к этой схеме присоединялось указание на то, что установления суверенной власти обладают силой, только если они обеспечивают реализацию определенных ценностей (свободы, равенства и проч.) и соответствуют им, что, впрочем, эту схему кардинально не изменяло²⁰.

В этом отношении, несмотря на разнообразие декоративных вывесок (новых «типов правопонимания»), которыми отечественные теоретики украшали свои рассуждения, суверенитет продолжал рассматриваться как исходный пункт в конструировании цепочки юридических компетенций и обязанностей. Можно сказать, что суверенитет служил для отечественных теоретиков в качестве «основной нормы правопорядка», если обратиться к терминологии Г. Кельзена. Безусловно (для сторонников командной теории) или условно (при условии соответствия тем или иным ценностям — для сторонников отечественных непозитивистских воззрений), суверенитет играл роль того исходного звена («первой конституции», согласно кельзеновской трактовке основной нормы) юридического мышления, который обосновывает обязанность подчиняться нормам права и признавать сложившийся порядок в качестве правопорядка.

Однако нельзя не замечать, что такие воззрения приводят к перформативному противоречию в рассуждениях о многоуровневом правовом регулировании, приоритете международного права или высшей юридической силе прав человека и о соответствующих положениях российской Конституции, принятой в 1993 г. на волне «демократического энтузиазма». Если обязанность соблюдать пра-

²⁰ См.: *Мартышин О.В.* Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13—21. Ср. противоположное воззрение: *Варламова Н.В.* Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156—166.

во вытекает из обязанности подчиняться установлениям суверенной государственной власти и, соответственно, признанным (ратифицированным, имплементированным) этой властью ценностям (правам человека), нормам и принципам международного права, то в случае конфликта между суверенной властью и иными нормотворческими источниками (международным сообществом и проч.) превалировать будет именно суверенитет и его носитель — государство. Обоснование такого превалирования («верховенство Конституции» или что-то еще) концептуально играет здесь лишь вторичную роль и ничего по сути не меняет. Противоречие связано с тем, что идея верховенства международного права основана на иной основной норме (*pacta sunt servanda*), но никак не на верховенстве государственного суверенитета. То же самое касается прав человека, обязывающая сила которых вытекает не из их признания государством, а из неких высших моральных аргументов и ценностей.

Эта логика обоснования положений Конституции через верховную значимость суверенитета явно прослеживалась на протяжении многих лет дискуссии о «пределах уступчивости» и «красных линиях», где суверенитет выступал в качестве решающего аргумента, пока не получила окончательного выражения в решении Конституционного Суда РФ²¹ (и последующих законодательных изменениях²²) о приоритете «конституции», «конституционных ценностей» (по сути, актов конституционного толкования государственного суда) над международным правом. Рано или поздно это перформативное противоречие обнаружится и в интеграцион-

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

²² См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

ных проектах (ЕАЭС и проч.), в которых Россия и другие постсоветские страны пытаются повторить опыт западной интеграции (ЕС), не видя существенных различий в исходных схемах, которыми мыслится и юридически обосновывается такая интеграция.

Неудивительно, что этот уровень дискуссии российских правоведов понятен не всем западным юристам, которые достаточно давно пересмотрели свои экспликативные схемы, сделав их более гибкими и уйдя от необходимой концептуальной привязки обязывающей силы права к суверенитету²³. В контексте глобализации к достаточно хорошо знакомому юристам вопросу о соотношении международного и национального права (который, в свою очередь, стал намного сложнее и вышел за пределы привычной дихотомии монистического и дуалистического подходов) прибавился гораздо более концептуально запутанный вопрос о месте надгосударственного (транснационального) права в системе правового регулирования. Тема правового плюрализма и изменения наших представлений о праве вследствие глобализации стала одной из центральных тем для юридических трактатов и статей западных исследований²⁴.

В результате этатистский позитивизм, в рамки которого подобные явления не укладывались и который не предоставлял никакого методологического инструментария для изучения и объяснения развития права в «эпоху глобализации», окончательно потерял свои позиции в западном теоретическом правоведении²⁵. В правовой науке были сформированы новые, более тонкие подходы, в том числе новая позитивистская традиция (Г. Кельзен, Г.Л.А. Харт, Дж. Раз и др.). Эти подходы актуализировали необходимость выявления и понимания социальных практик и идеалов, которые могут, при некоторых условиях, дать юристам инструменты для выхода за пределы буквального смысла правовых норм, чтобы сбалансировать противоречивые толкования, урегулировать возможные конфликты между частными и общественными интересами,

²³ Некоторые исследователи считают суверенитет всего лишь организованным лицемерием, которое обязанность подчиняться праву никак обосновывать не может (см.: *Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, 1999*).

²⁴ См.: *Твайнинг У.* Общая теория права // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011. С. 232—279.

²⁵ См.: *Варламова Н.В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб., 2010.

между волеустановленным правом и такими ценностями, как разумность и справедливость²⁶. К этому блоку вопросов добавился комплекс проблем, связанных с развитием международного и транснационального права, правами человека, надзаконными стандартами действительности (юридической силы) правовых норм, деятельностью наднациональных юрисдикций, проверкой конституционности законов и в целом возможностью отмены правовых норм в судах и т.д.

В современной западной правовой науке для осмысления оснований обязывающей силы права суверенитет как концептуальная категория практически не используется²⁷. В целом сложившиеся в современной западной науке представления о механизме правового регулирования уже не рассматривают государство как центральный элемент этого механизма, а его суверенитет — как основание монополии на принуждение. Обязывание субъектов к юридически должному поведению осмысляется через призму аналитической философии (Г.Л.А. Харт, Дж. Раз, Е.В. Булыгин и др.), социального действия (П. Бурдьё, Р. Коттеррелл), логику дискурсивной культуры правопорядка (Р. Дворкин, Р. Алекси), реализма (М. Тропер, Р. Гуастини) и множества других подходов, которые открывают новые перспективы понимания того, как создается и применяется право²⁸. Не предполагающие необходимой логической привязки правового регулирования к суверенной воле государства, эти подходы способны эффективно описывать правовое регулирование в негосударственных правовых порядках (мягкое право, наднациональное право, корпоративное право, религиозное право и проч.). Степень такой эффективности, разумеется, варьируется в зависимости от конкретных исследовательских задач и от особенностей исследуемых объектов, но общая тенденция, которую можно констатировать в развитии теоретического правоведения в мире, заключается в

²⁶ См.: *Guarnieri C.* Social Science and Judicial Studies: Lessons from the US and Europe // *Legal Education and Judicial Training in Europe. The Menu for Justice Project Report* / Ed. by D. Piana, P. Langbroek, T. Berkmanas, O. Hammerslev, O. Pacurari. The Hague, 2013. P. 7—14.

²⁷ См.: *Priban J.* Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism. London, 2015.

²⁸ См., например: *Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н.* Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14 «Право»*. 2015. № 3. С. 4—34.

отходе от эссенциалистских споров о сущности права и от определения такой сущности в зависимости от создающих или признающих право органов, форм такого признания. Опасность этих эссенциалистских нарративов заключается в возможности обосновывать и легитимировать принуждение или, наоборот, свободу от обязанности подчиняться принуждению. Одним из примеров в российском правоведении является ситуация с нормами, которые создают предприятия — так называемые локальные нормативные акты. Показательна та стыдливость, с которой правоведы отказываются использовать прилагательное «правовые» применительно к этим актам по причине того, что они не создаются государством и потенциально, до проверки в суде, могут противоречить государственному праву. Такие примеры, где власть дефиниций берет верх над здравым смыслом, можно умножать.

Примерно пару сотен лет назад И. Кант утверждал, что юристы до сих пор ищут свое определение права. Но, как кажется, эта проблема перестала волновать или, по меньшей мере, быть центральной для западных правоведов. Практически вся литература по теории и философии права, издаваемая сегодня на Западе, посвящена конкретным вопросам (например, способы защиты прав человека, пределы толкования права, соотношение норм и принципов, механизм сдержек судебной власти и т.п.), но время метанарративов о сущности и природе права уже, как кажется, прошло. В ракурсе такой схемы юридического мышления некоторые ценности или факты допускаются как безусловные основания обязывающей силы (например, права человека) права, на чем, собственно, и основаны такие институты современного западного права, как национальная юстиция, демократия, взвешивание и балансировка ценностей и норм в судебном процессе, и проч.

Этот концептуальный плюрализм позволяет конструировать и плюралистические концепции правового регулирования. Важность такого плюрализма для демократии была подмечена еще К. Шмиттом. Как пишет О. Кильдюшов, его исследования показывают, что «участникам конкретных политических сообществ не на что и не на кого рассчитывать, поскольку в природе политики не существует никакой универсальной супертеории государства и права, — ни в славном прошлом великих идей, ни на цивилизованном Западе, — способной адекватно описать, кто они такие, в каком государстве живут и какое право осуществляют. Этим всегда в

каждой конкретной ситуации придется заниматься им самим, если они не хотят, что бы их “посчитали” другие»²⁹.

Если исходить из допущения о том, что правовой плюрализм является данностью современных правопорядков, ответ на вопрос о сущности права рассыпается на множество подвопросов о природе отдельных видов права (мягкого, наднационального, обычного и проч.). Рассуждения по таким подвопросам важны в качестве предварительного методологического основания для дальнейшего исследования конкретных проблем (и следует признать, что нередко в западных правовых исследованиях этой методологической основы как раз не хватает, в результате чего исследователи берут в качестве бесспорных аксиом относительные ценностные суждения), но задачи теоретического правоведения выходят далеко за пределы этих эссенциалистских споров, которые лишаются смысла в перспективе признания юридического плюрализма.

К сожалению, отечественное теоретическое правоведение еще не отошло от предшествующих парадигм понимания права³⁰. Споры о выделении и соотношении различных версий того, что постсоветские правоведы называют «типами правопонимания», изобретение новых «типов» и критика недостаточности воззрений на право в рамках уже существующих «типов», поиски «интегративного правопонимания» на основе того или иного определения права — вся эта кипучая деятельность имеет смысл только в ракурсе эссенциалистских попыток найти истинную сущность права и наилучший метод для объяснения этой сущности. Эти споры не лишены определенного теоретического (или, скорее, философского) смысла, но следствием фокусирования внимания многих отечественных правоведов на этих «отвлеченных началах» является

²⁹ Кильдюшов О. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. Кильдюшова. М., 2010. С. 24—25. Интересно, что интеллектуальный соперник Шмитта — Г. Кельзен — также считал плюрализм (правда, ценностный, а не концептуальный) основной гарантией демократии (Ср.: Антонов М.В. Концепция демократии в контексте чистого учения о праве: к 40-летней годовщине со дня смерти Ганса Кельзена, 1881—1973 // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 45—55).

³⁰ См.: Головки Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права. С. 92—126.

значительная степень пренебрежения к конкретной правовой реальности и проблемам, которые требуют своего решения в этой реальности. Некоторые теоретики отмахиваются от таких проблем, считая ту правовую реальность, в которой эти проблемы образовались, неправильной и не дотягивающей до статуса собственно «правовой». Нельзя не усомниться в ценности такой аргументации, основанной на спорных эссенциалистских посылах о сущности права. Другие, — а их большинство, — предпочитают игнорировать те методологические и концептуальные основания, на которых выстроена современная либеральная философия права и обоснованные ею институты (права человека, наднациональная юстиция, балансирование при применении права и т.д.) и которые несовместимы с рассмотрением суверенитета в качестве основной нормы правопорядка (высшего источника обязательности правовых норм и начального звена в обосновании цепочки юридических правомочий и обязанностей).

Не нужно удивляться тому, что подобное абстрагирование правовой теории от конкретики правовой действительности создает разрыв между теорией и практикой в отечественной правовой науке, некоторые представители которой предпочитают оставаться в «раю юридических понятий» (термин Р. фон Иеринга) и не спускаться до уровня практических проблем юриспруденции, отказывая в «юридичности» явлениям (например, судебному правотворчеству), не укладывающимся в прокрустово ложе их концептуальных схем. Основной проблемой для многих теоретиков права остается включение или, наоборот, исключение из понятия «право» (государственно-организованного права или некоего «правильного» права) тех или иных явлений и фактов окружающей действительности. Этот блок вопросов, наверное, был необходим в ходе развития и перестроения постсоветского правоведения в начале 1990-х гг., но удивление вызывает тот факт, что «болезнь роста» до сих пор не преодолена и фокус внимания многих ведущих российских теоретиков до сих пор сосредоточен на этой чисто абстрактной проблематике.

Такое акцентирование внимания на вопросах сущности права и на разработке авторских подходов к ее пониманию ожидаемо привело к тому, что теоретические проблемы отраслевых дисциплин уже не интересуют теоретиков, занимающихся спекуляциями на высших уровнях абстракции либо же просто комбинирующих

наборы слов в лишенные практического значения нарративы³¹. Например, многие учебные пособия, написанные ведущими отечественными теоретиками, удивляют парадоксальным разрывом между высокими рассуждениями о методологии юридического знания, природе права и вариантах ее понимания и банальным пересказом разработанной еще дореволюционными юристами догмы права, базирующейся на постулатах этатизма и лишь слегка подретушированной в советское время. Разбавление этой догмы несвязными рассуждениями о демократии или правах человека без пересмотра самой экспликативной схемы обязывающей силы права лишь заводят в концептуальный тупик.

Неудивительно, что в такой ситуации представители отраслевых юридических наук отчаялись найти в теории права ответы на актуальные вопросы их дисциплин или хотя бы методы их анализа, с чем связаны показательные по степени методологической непроработанности относительно недавние попытки перестроить российское частное право на началах прецедентного права, ввести в судопроизводство методы экономического анализа права и т.п. Особо печальным образом разрыв между философией и теорией права, с одной стороны, и отраслевыми правовыми науками — с другой, сказался на конституционном праве, где, как правило, возникают наиболее трудные теоретико-философские проблемы.

Недостаточность философско-правовой и теоретико-правовой проработки основополагающих вопросов правовой науки об источниках обязывающей силы права, о пределах государственного правотворчества, о соотношении создаваемых государством и иными социальными образованиями правовых порядков обнаруживается, в частности, в разделяемых многими конституционалистами и теоретиками утверждениях о «пределах уступчивости», о незыблемости суверенитета, «апологии Вестфальской системы» и прочих тезисах, по сути, базирующихся на уровне развития правовой науки начала XX в.³² Исходным постулатом этих доктринальных построений в отечественной юриспруденции остается верховенство государственной власти в вопросах правотворчества и правоприменения, незыблемость и неограниченность государственного

³¹ См.: Поляков А.В. Языковые игры в юриспруденции // Правоведение. 2014. № 1. С. 6—11.

³² См., например: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013; он же. Цивилизация права и развитие России. М., 2015.

суверенитета, опирающиеся на боденовское понимание суверенитета как постоянной и абсолютной власти государства.

С этих позиций неудивительно, что глобализация, развитие наднациональной юстиции, мягкое право и прочие признаки транснационализации правового регулирования получают осуждение в работах ведущих представителей юридической доктрины и практики (например, в работах В.Д. Зорькина), а нарративы ведущих отечественных конституционалистов зачастую оказываются основанными на смешении противоречащих друг другу постулатов и аксиом. Например, суверенитет как источник и критерий обязывающей силы правовых установлений, с одной стороны, и утверждение о том, что государство связано в правотворчестве правами человека — с другой (в лучшем случае, теория здесь возвращается к идее самообязывания государства Г. Еллинека).

Постулирование суверенитета как основной нормы правопорядка само по себе не представляет особых теоретических затруднений — просто необходимо понимать логические следствия данного постулата (дуалистическая модель соотношения национального и международного права, производность прав человека из государственного признания и т.п.). Гораздо большую опасность таят в себе попытки эклектики — смешения идеи о верховном значении суверенитета с разного рода идеологическими приемами, которые дают возможность создавать право помимо установленного порядка. Типичным примером такого подхода является некритическое совмещение идей правового позитивизма (понимание права как продукта суверенной воли государства) и представлений о том, что в «общественном правосознании» можно найти некие высшие правовые начала («традиционные ценности»), которые могут дополнять и даже отменять позитивное право, разрушая установленную Конституцией цепочку полномочий. Беспокойство вызывает тот факт, что с помощью подобных бессвязных нарративов обосновываются концепции судейского активизма и децизионизма, а также изоляционизма по отношению к окружающему миру и исключительности в том, что касается интерпретации норм и принципов международного права³³. Но эта проблематика требует отдельного исследования.

³³ См.: *Antonov M. Conservatism in Russia and Sovereignty in Human Rights // Review of Central and East European Law. 2014. Vol. 39. Issue 1. P. 1—40.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аннерс Э. История европейского права / Пер. со шведского Р.Л. Ва-линского, А.М. Волкова, М.А. Исаева, Т.Л. Шенявской. М.: Наука, 1994.

Антонов М.В. Концепция демократии в контексте чистого учения о праве: к 40-летней годовщине со дня смерти Ганса Кельзена, 1881—1973 // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 45—55.

Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С. Кас-тальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008.

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Си-дельник, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бердяев Н.А. Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс, 1991.

Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и филосо-фии права. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 30—71.

Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенден-ции развития теории права. СПб.: Славия, 2010.

Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека // Обще-ственные науки и современность. 2008. № 1. С. 156—166.

Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг.: Право, 1917.

Головко Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирова-ния в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 92—126.

Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избр. соч. / Пер. с англ. и франц. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004.

Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014.

Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства / Пер. с франц. А. Яценко. М.: Н.Н. Ключков, 1909.

Еллинек Г. Общее учение о государстве: Право современного государ-ства. СПб.: Типография И.Д. Сытина, 1908.

Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма; Ин-фра-М, 2015.

Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.

Касаткин С.Н. Государство, право и правовая теория: эффекты и вызо-вы глобализации // URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/KasatkinSN_sec3_rus_izd.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

Кильдюшов О. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. Кильдюшова. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 7—32.

Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13—21.

Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012.

Нерсисянц В. С. Право и закон. М.: Наука, 1983.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса; Вопросы философии, 1991.

Палиенко Н. И. Суверенитет. Ярославль: ТГП, 1905.

Поляков А. В. Языковые игры в юриспруденции // Правоведение. 2014. № 1. С. 6—11.

Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992.

Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004.

Твайнинг У. Общая теория права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3 / Под ред. А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 232—279.

Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14 «Право». 2015. № 3. С. 4—34.

Хук ван М. Европейские правовые культуры в контексте глобализации. В честь Андрея Полякова // Правоведение. 2014. № 6. С. 6—24.

Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258—267.

Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: Алетейя, 1999.

Antonov M. Conservatism in Russia and Sovereignty in Human Rights // Review of Central and East European Law. 2014. Vol. 39. Issue 1. P. 1—40. DOI: 10.1163/15730352-90000010.

Guarnieri C. Social Science and Judicial Studies: Lessons from the US and Europe // Legal Education and Judicial Training in Europe. The Menu for Justice Project Report / Ed. by D. Piana, P. Langbroek, T. Berkmanas, O. Hammerslev, O. Pacurari. The Hague: Eleven International Publishing, 2013. P. 7—14.

Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. DOI: 10.1515/9781400823260.

Moyl S. The Last Utopia. Human Rights in History. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 2010.

Priban J. Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism. London: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315610085.

METHODS OF LEGAL THEORY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Mikhail V. Antonov

School of Law, Higher School of Economics National Research University,
Campus in Saint Petersburg
17, Promyshlennaya str., Saint Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: mantonov@hse.ru

This paper profited from financial support of the Russian Fund of Fundamental Research (grant No.15-03-00345).

The contemporary level of scientific knowledge in the realm of jurisprudence rules out metanarratives about essence of law. Legal pluralism, being one of the consequences of globalization, has become one of the incontestable facts of the legal reality; legal regulation is now carried out on many levels and in a multiplicity of forms. This implies that essentialist discussions about the nature of law are out of date. Russian legal theory until now has relied on the essentialist scheme of legal thinking, in which a definition of the law is the starting premise and the binding force of law is justified with reference to the category of sovereignty. This scheme involves contradictions between: claims from the constitutional discourse about the supremacy of human rights and the priority of principles of international law or balance in law-application, on the one hand; and the theoretical foundations of such claims, on the other hand. The style of legal thinking based on the legal scholarship at the beginning of the XX century can show the inadequacy of philosophical and theoretical conceptualizations of the key problems of legal science such as sources of the binding force of the law, limits of the rule-making power of the state, and the correlation between legal orders created by the state and by other social institutions. Legal education and scholarship in Russia are still presupposing that state power prevails in the issues of law-making and law-enforcement; this justifies the absolute and unlimited character of state sovereignty and the other key ideas in the first versions of legal positivism. Because of the iron curtain in the previous years, in the late 1980s Russian legal philosophers and theoreticians found themselves unprepared to make a theoretical conceptualization of the effect of globalization. Moreover, during many years they just ignored the problems that are connected with this effect. Nonetheless, in the scope of these years the Russian economy and, to a large extent Russian law, have gotten involved in the processes of globalization, including the processes of fragmentation and the pluralization of legal orders. This has resulted in a considerable gap between legal theory and legal practice.

→ Sovereignty, concept of law, legal thinking, human rights, binding force of the law, globalization, legal pluralism.

REFERENCES

Anners, E. (1974). *Den europeiska rattens historia 1. Nagra huvudlinjer* [A History of European Law 1: Some Central Themes]. Stockholm: AWE/ GEBERS;

Anners, E. (1980). *Den europeiska rattens historia 2. Nagra huvudlinjer* [A History of European Law 2: Some Central Themes]. Stockholm: AWE/ GEBERS [Russ. ed.: Anners, E. (1994). *Istoriya evropeiskogo prava* [History of European Law]. Translated from Swedish by R.L. Valinskii, A.M. Volkov, M.A. Isaev, T.L. Shenyavskaya. Moscow: Nauka].

Antonov, M. (2014). Conservatism in Russia and Sovereignty in Human Rights. *Review of Central and East European Law*, 39(1), pp. 1—40. DOI: 10.1163/15730352-90000010.

Antonov, M.V. (2013). Kontseptsiya demokratii v kontekste chistogo ucheniya o prave: k 40-letnei godovshchine so dnya smerti Gansa Kel'zena (1881—1973) [The Concept of Democracy in the Context of the Pure Theory of Law: on the 40th Year Anniversary of the Death of Hans Kelsen (1881—1973)]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], (1), pp. 45—55 (in Russ.).

Arendt, J. (1963). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking Press. [Russ. ed.: Arendt, J. (2008). *Banal'nost' zla: Eikhman v Ierusalime*. Translated from English by S. Kastal'ski, N. Rudnitskaya. Moscow: Evropa].

Beck, U. (1986). *Risikogesellschaft — Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp [Engl. ed.: Beck, U. (1992). *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage; Russ. ed.: Beck, U. (2000). *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modern*. Translated from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya].

Berdyaev, N.A. (1991). *Novoe Srednevekov'e: Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [New Middle Ages: Reflection on the Fate of Russia and Europe]. Moscow: Feniks (in Russ.).

Denisenko, V.V. (2014). Legitimnost' kak kharakteristika sushchnosti prava. Vvedenie v teoriyu [Legitimacy as a Characteristic of the Essence of Law. Introduction to the Theory]. Moscow: Yurlitinform (in Russ.).

Duguit, L. (1908). *Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'etat* [Social Law, the Individual Right, and the Transformation of the State]. Paris: Felix Alcan, Editeur (in Fr.) [Russ. ed.: Duguit, L. (1909). *Sotsial'noe pravo. Individual'noe pravo. Preobrazovanie gosudarstva*. Translated from French by A. Yashchenko. Moscow: N.N. Klochkov].

Ellinek, G. (1905). *Allgemeine Staatslehre: Das Recht des Modernen Staates*. Berlin: Verlag von O. Haring (in Germ.) [Russ. ed.: Ellinek, G. (1908). *Obshchee uchenie o gosudarstve: Pravo sovremennogo gosudarstva* [General Doctrine of State: The Law of the Modern State]. Saint Petersburg: Tipografiya I.D. Sytina (in Russ.).

Eco, U. (1994). *Srednie veka uzhe nachalis'* [The Middle Ages Have Already Begun]. *Innostrannaya literature* [Foreign Literature], (4). pp. 258—267 (in Russ.).

Gessen, V.M. (1917). *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Foundations of Constitutional Law]. Petrograd: Pravo (in Russ.).

Golovko, L.V. (2016). *Postsovetskaya teoriya prava: trudnosti pozitsionirovaniya v istoricheskom i sravnitel'no-pravovom kontekste* [Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in Historical and Comparative Context]. In: *Problemy postsovetskoi teorii i filosofii prava* [Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law]. pp. 92—126. Moscow: Yurлитinform (in Russ.).

Guarnieri, C. (2013). Social Science and Judicial Studies: Lessons from the US and Europe. In: D. Piana, P. Langbroek, T. Berkmanas, O. Hammerslev and O. Pacurari, eds. *Legal Education and Judicial Training in Europe. The Menu for Justice Project Report*. The Hague: Eleven International Publishing. pp. 7—14.

Gurvich, G.D. (2004). *Filosofiya i sotsiologiya prava. Izbrannie sochineniya* [Philosophy and Sociology of Law. Selected Works]. Translated from French and English by M.V. Antonov and L.V. Voronina. Saint Petersburg.: SPbGU Publ. (in Russ.).

Hoecke van, M. (2014). *Evropeiskie pravovye kul'tury v kontekste globalizatsii. V chest' Andrey Polyakova* [European Legal Cultures in a Context of Globalization. A Tribute to Andrey Polyakov]. *Pravovedenie*, (6), pp. 6—24 (in Russ.).

Kasatkin, S.N. *Gosudarstvo, pravo i pravovaya teoriya: efekty i vyzovy globalizatsii* [State, Law and Legal Theory: Effects and Challenges of Globalization] [online]. Available at: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/KasatkinSN_sec3_rus_izd.pdf [Accessed: 15.05.2017] (in Russ.).

Kil'dyushov, O. (2010). *Chitaya Shmitta In: Schmitt, C. Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The State and Political Form]. Translated from German by O. Kil'dyushov Moscow: Gosudarstvennyi universitet Vysshei shkoly ekonomiki Publ. pp. 7—32 (in Russ.).

Krasner, S.D. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400823260.

Martyshin, O.V. (2003). *Sovmestimy li osnovnye tipy ponimaniya prava?* [Are the Main Types of Understanding of Law Compatible?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (6), pp. 13—21 (in Russ.).

Mikhailov, (2012). A.M. *Genezis kontinental'noi yuridicheskoi dogmatiki* [Genesis of Continental Legal Dogmatics]. Moscow: Yurлитinform (in Russ.).

Moyn, S. (2010). *The Last Utopia. Human Rights in History*. Cambridge Mass.: Harvard University Press.

Nersesyants, V.S. (1983). *Pravo i zakon* [Law and Legislation]. Moscow: Nauka (in Russ.).

Novgorodtsev, P.I. (1991). *Ob obshchestvennom ideale* [On the Social Ideal]. Moscow: Pressa; Voprosy filosofii (in Russ.).

Palienko, N.I. (1905). *Suverenitet* [Sovereignty]. Yaroslavl': TGP (in Russ.).

Polyakov, A.V. (2014). Yazykovye igry v yurisprudentsii [Language Games in Jurisprudence]. *Pravovedenie*, (1), pp. 6—11 (in Russ.).

Popper, K. (1945). *The Open Society and Its Enemies*. London; Henley: Routledge and Kegan Paul. [Russ. ed.: Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. Translated from English by V.N. Sadovskii. Moscow: Feniks].

Priban, J. (2015). *Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315610085.

Radbruch, G. (1932). *Rechtsphilosophie* [Philosophy of Law]. Leipzig: Verlag von Qelle und Meyer (in Germ.) [Russ. ed.: Radbruch, G. (2004). *Filosofiya prava*. Translated from German by Yu.M. Yumashev. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya].

Timoshina, E.V., Kraevski, A.A. and Salmin, D.N. (2015). Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: instrumenty vzveshivaniya v situatsii konkurentsii prav cheloveka [Axiology of Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14 "Pravo"* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], (30), pp. 4—34 (in Russ.).

Twining, W. (2005). Teoria general del derecho [General Jurisprudence]. *Anales de la Catedra Francisco Suarez* [Annals of the Francisco Suarez Chair], 39, pp. 597—644 (in Span.) [Russ. ed.: Twining, W. (2011). Obshchaya teoriya prava. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 3. Saint Petersburg: SPbGU Publ. pp. 232—279].

Varlamova, N.V. (2008). Yuridicheskii pozitivizm i prava cheloveka [Legal Positivism and Human Rights]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], (1), pp. 156—166 (in Russ.).

Varlamova, N.V. (2010). *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of Legal Understanding and Modern Trends in the Development of the Theory of Law]. Saint Petersburg: Slaviya (in Russ.).

Varlamova, N.V. (2016). Geterarkhichnost' sovremennykh pravovykh sistem i postsovetskaya teoriya prava [Heterarchy of the Modern Legal Systems and Post-Soviet Theory of Law]. In: *Problemy postsovetskoi teorii i filosofii prava* [Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law]. pp. 30—71. Moscow: Yurlitinform (in Russ.).

Yashchenko, A.S. (1999). *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoi teorii prava i gosudarstva* [The Theory of Federalism. Experience of the Synthetic Theory of Law and State]. Saint Petersburg: Aleteiya (in Russ.).

Zor'kin, V.D. (2013). *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in the Context of Global Change]. Moscow: Norma (in Russ.).

Zor'kin, V.D. (2015). *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [Civilization of Law and Development of Russia]. Moscow: Norma; Infra-M (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

AUTHOR'S INFO:

Mikhail V. Antonov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, School of Law, Higher School of Economics National Research University, Campus in Saint Petersburg.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том. 12. № 4. С. 35—57.

FOR CITATION:

Antonov, M.V. (2017). Methods of Legal Theory in the Context of Globalization. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 12(4), pp. 35—57.